

УДК 343.9

СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

В.А. Мазуров¹, М.А. Стародубцева¹, Е. А. Шушакова²

¹Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул,

²Томский государственный университет, Россия, Томск,

e-mail: mazurov50@list.ru, starodubzewa@gmail.com, kate.2319@yandex.ru

DOI:10.14258/ssi(2020)2-10

В статье анализируется стратегия Европейского Союза по противодействию терроризму. Авторы дают краткий очерк формирования системы надгосударственных органов ЕС. Указывается отсутствие комплексного подхода к вопросу, недостаточность узких определений террористической угрозы. Поскольку, несмотря на то что внимание ЕС вновь (если не больше) сосредоточено на аспекте безопасности терроризма (т.е. борьбе с терроризмом), а не на мириадах других комплексных аспектов, которые ведут к нему (т.е. предупреждению терроризма), авторы статьи делают вывод, что ЕС еще не до конца понимает природу терроризма. Его политическая динамика по-прежнему обусловлена кризисными ситуациями, и ЕС, похоже, не хочет существенно отклоняться в реальном выражении от любой из своих предыдущих стратегий. На взгляд авторов, подход ЕС к борьбе с терроризмом (политика, а не риторика) останется прежним: сосредоточение внимания на сотрудничестве в области безопасности при одновременном выдвигании инициатив, создающих впечатление, что другие области, такие как гражданское сотрудничество и межкультурный диалог, не полностью исключены. Это останется главным направлением антитеррористической политики ЕС: с каждым терактом (будь то групповым или одиночным) будут усиливаться призывы к расширению сотрудничества в области безопасности в контексте интеграции ЕС и обеспечения общественной безопасности. По мнению авторов, выработка единого понятия позволит активизировать совместные действия государств по уничтожению террористической угрозы

Ключевые слова: стратегия, терроризм, угроза, сотрудничество, кризис, координация, сбалансированность

EUROPEAN UNION STRATEGY FOR THE FIGHT AGAINST TERRORISM

V.A. Mazurov¹, M.A. Starodubtseva¹, E.A. Shushakova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia,

²Tomsk State University, Tomsk, Russia,

e-mail: mazurov50@list.ru, starodubzewa@gmail.com kate.2319@yandex.ru

The article analyzes the European Union counter-terrorism strategy. The authors give a brief outline of the formation of a system of supranational bodies of the EU. The absence of an integrated approach to the issue, the lack of narrow definitions of the terrorist threat is indicated. Given that, despite the fact that the EU's attention is again (if not more) focused on the security aspect of terrorism (i.e. the fight against terrorism), and not on the myriad of other complex aspects that lead to it (i.e. the prevention of terrorism), the authors of the article conclude that the EU still does not fully understand the nature of terrorism. Its political dynamics are still driven by crisis situations, and the EU does not seem to want to deviate significantly in real terms from any of its previous strategies. In the authors' view, the EU's approach to combating terrorism (politics, not rhetoric) will remain the same: focusing on security cooperation while promoting initiatives that create the impression that other areas, such as civic cooperation and intercultural dialogue, are not completely excluded. This will remain the main focus of the EU's anti-terrorism policy: with each terrorist attack (whether group or single), calls will be intensified to expand security cooperation in the context of EU integration and ensuring public safety. According to the authors, the development of a single concept will enhance the joint actions of states to destroy the terrorist threat.

Keywords: *strategy, terrorism, threat, cooperation, crisis, coordination, balance*

Сотрудничество между государствами — членами ЕС в борьбе с терроризмом не может рассматриваться в качестве одного из приоритетов ЕС на начальном этапе его создания. Лишь в 1970-е гг. европейское сообщество осознало важность признания терроризма в качестве проблемы и сочло необходимым обмен информацией и извлеченными уроками. Идея создания Межправительственной платформы обсуждалась еще в первой половине 1970-х гг. В 1975 г. был создан TREVİ (Terrorisme, Radicalisme, Extrémisme et Violence Internationale). Его членами были Бельгия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Ирландия, Нидерланды, Португалия, Соединенное Королевство и Франция. Однако, поскольку вопросы полиции находились вне компетенции Европейского Сообщества, Треви был учрежден в качестве неофициального органа, который был независим от институциональной структуры Европейского Сообщества (Greene, 2017).

Позднее появились частые призывы изнутри и снаружи группы Треви к формализации сотрудничества полиции в рамках Сообщества. Европол родился примерно за восемь лет. В 1991 г. делегация Германии представила Европейскому со-

вету официальное предложение, после чего в Маастрихтском договоре 1992 г. была сделана ссылка на европейское полицейское управление (Европол), которая была подтверждена спустя 4 года.

Европол официально вступил в силу в октябре 1998 г. Его цель заключалась в содействии сотрудничеству и координации между государствами — членами ЕС по темам, связанным с незаконным оборотом наркотиков и миграцией; сфера его компетенции позднее включала также терроризм и международную преступность. Однако Европол не стал европейским ЦРУ или ФБР (Greene, 2017).

По-прежнему предпочтение отдается неофициальным договоренностям, предусматривающим двустороннее или многостороннее обсуждение, сотрудничество и переговоры по вопросам, связанным с безопасностью. Иными словами, добровольный характер информационного потока остается главным предпочтением государств — членов ЕС. Тем не менее были предприняты определенные усилия по сотрудничеству в области борьбы с терроризмом, по крайней мере официально. Вместе с тем важно отметить, что сотрудничество в борьбе с терроризмом на протяжении всей истории ЕС понималось не так, как сегодня, с точки зрения предотвращения терроризма. Идея скорее состояла в том, чтобы сотрудничать в обмене разведанными и укреплять сотрудничество полиции. В 1999 г. Европейский совет представил программу, которая будет способствовать совместным действиям в вопросах терроризма.

Только после событий 11 сентября 2001 г. неформальное сотрудничество и напористые заявления быстро переросли в реальную европейскую антитеррористическую политику. В частности, были ратифицированы зашедшие в тупик законодательные предложения. В Европейском Совете проводились чрезвычайные сессии; на ЕС оказывалось давление с целью выработки плана действий в отношении того, что сейчас представляется самой большой угрозой в мире (РАО и Verweij, 2018).

Этот план действий был составлен в виде меморандума, опубликованного Европейской комиссией 12 марта 2002 г., в котором отражено намерение комиссии сделать борьбу с терроризмом одним из своих главных приоритетов. Это публично объявленное намерение было позднее официально выражено в Рамочном решении Совета «О борьбе с терроризмом» от 13 июня 2002 г., в котором содержался призыв к проведению последовательной контртеррористической политики во всех государствах — членах ЕС. Например, было сформулировано общее определение терроризма (в частности, действия, которые представляют собой террористическое преступление). Этот процесс правовой гармонизации с точки зрения борьбы с терроризмом привел к созданию в 2002 г. Евроюста, образованного для формирования международного судебного сотрудничества.

Контртеррористическая стратегия ЕС, которая часто подвергается критике как ориентированная на кризис, была еще более усилена после взрывов в Мадриде в 2004 г. Среди основных событий того времени было назначение координатора ЕС по борьбе с терроризмом. Кроме того, в рамках антитеррористической стратегии ЕС был введен новый элемент, важность которого ранее не осознавалась: расследование вербовки террористов и их радикализации. Предотвращение терроризма, а не просто борьба с ним начали фигурировать в работе ЕС (Goodman, 2015).

Необходимость выявления и понимания коренных причин терроризма была дополнена после серии нападений так называемых «террористов-одиночек». В результате была введена и институционализована всеобъемлющая стратегия ЕС по борьбе с терроризмом в качестве единой основы, которая позволит упорядочить предыдущие меры. Стратегия состоит из четырех основных компонентов: предотвращение, защита, преследование и реагирование (Goodman, 2015).

Учреждениями ЕС, активно участвующими в контртеррористической стратегии ЕС, являются Совет Европейского союза, Европол и Евроюст. Тем не менее государства-члены являются основными участниками контртеррористической деятельности. Это означает, что, когда речь заходит о разработке, осуществлении и следовании политике или издании законодательных актов, окончательное слово остается за государствами-членами. То же самое относится и к разведывательным службам каждой страны. Фактическая роль ЕС заключается лишь в координации отдельных контртеррористических стратегий государств-членов и обеспечении функционирования в общих рамках.

Учитывая, что ЕС, несмотря на различные критические замечания, является ключевым участником международных отношений, важно понять, как он решает такую важную проблему, как терроризм.

Координатор ЕС по борьбе с терроризмом, который работает под эгидой Совета Европейского Союза, отвечает за представление Совету ЕС рекомендаций в отношении приоритетных областей действий и конкретных стратегий, а также улучшение связи между ЕС и третьими странами по вопросам, связанным с борьбой с терроризмом (Goodman, 2015). Европол и Евроюст оказывают государствам-членам помощь в вопросах, связанных с терроризмом, особенно в том, что касается расследований и судебного преследования. Правовая помощь оказывается через посредство последних, в то время как обмен разведывательными данными осуществляется через посредство первых. Одним из последних учреждений, которые должны активно заниматься вопросами борьбы с европейским терроризмом, является Европейский антитеррористический центр (ЕСТС), который был создан организационно под эгидой Европола.

ЕСТС появился в январе 2016 г. после достижения давнего консенсуса ЕС в контексте контртеррористической политики, что краеугольный камень для сотрудничества на уровне ЕС был необходим для поддержки национальных усилий по борьбе с терроризмом (Goodman, 2015). Его основная функция, согласно веб-сайту Европола, заключается в том, чтобы действовать в качестве центра для обмена информацией, проведения анализа и координации оперативной поддержки, что привело к значительному повышению доверия и осведомленности среди национальных органов по борьбе с терроризмом (Goodman, 2015). Согласно сообщениям, в течение первого года осуществления этого процесса обмен информацией увеличился в десять раз. В опубликованном годовом отчете организации ЕСТС указывает свои достижения. Было выпущено 80 оперативных аналитических отчетов, проведено 32 пакета отчетов в социальных сетях, были реализованы новые направления для расследования и определения новых целей (Greene, 2017).

Создание ЕСТС, рожденного решением Совета по вопросам юстиции и внутренних дел, можно интерпретировать как подтверждение вышеупомянутой критики общей тенденции ЕС в области антитеррористической политики, обусловленной кризисными явлениями.

Примером может служить инициатива по созданию ключевого разведывательно-аналитического контртеррористического института, который объединил бы разведывательно-аналитические возможности Европола, связанные с борьбой с терроризмом, сразу же после парижских терактов в 2015 г. Повторяющаяся волна шока по всей Европе и появление ИГИЛ поставили ЕС под новое давление, чтобы найти ответ (Greene, 2017).

Еще одним фактом, который указывает на этот вывод, является отсутствие воли правительств к улучшению ситуации в плане сотрудничества и обмена информацией (Greene, 2017). Если государства-члены не начнут осознавать важность реального сотрудничества и коллективного принятия решений, ЕСТС никогда не станет ответом ЕС на угрозу терроризма, провозглашенную ЕС; вместо этого он будет оставаться просто краткосрочным политическим ответом без долгосрочных последствий.

Теперь мы возвращаемся к основным направлениям и приоритетам контртеррористической деятельности ЕС. Согласно Европейскому совету, первый компонент касается предотвращения превращения отдельных лиц в террористов, а второй — защиты граждан и инфраструктуры путем снижения уязвимости к нападениям. Третий компонент касается расследования деятельности террористов, а также подрыва их сетей поддержки. В четвертом и последнем компоненте подчеркивается важность минимизации последствий террористических нападений (Greene, 2017).

Далее поясним, что компонент «предотвращение» состоит из различных целей, которые коллективно предназначены для борьбы с радикализацией и вербовкой террористов.

Например, путем совершенствования контроля за огнестрельным оружием необходимо осуществлять контроль за приобретением и владением оружием. В Директиве Совета говорится, что правила закупки оружия должны быть ужесточены и огнестрельное оружие должно быть лучше отслежено (путем маркировки его основных компонентов и создания согласованного каталога этих знаков в государствах-членах) (Gonçalves, 2019).

Кроме того, в категорию А были добавлены различные виды полуавтоматического огнестрельного оружия, состоящего из наиболее смертоносного огнестрельного оружия, что запрещает его использование гражданами лицами. Конечная цель заключается в том, чтобы огнестрельным оружием не злоупотребляли преступные группы или террористы. Вместе с тем Совет также подчеркивает важность дальнейшего сотрудничества между государствами-членами в этой области для борьбы с незаконной закупкой огнестрельного оружия, которая наносит террористическим нападениям еще больший ущерб по своей сути и масштабам.

Кроме того, перечень террористических преступлений был расширен, с тем чтобы лучше отвечать вызову растущей террористической угрозы. Вопрос об ино-

странных боевиках, который уже довольно давно стал темой на злобу дня, планировалось решить путем криминализации следующих действий: поездки в пределах, за пределами или в ЕС в террористических целях; организация или содействие в таких поездках; подготовка или обучение в экстремистских целях; и предоставление или сбор средств, которые должны использоваться в террористических целях (Gonçalves, 2019). Вместе с этим последовал еще один шаг: усиление проверок на внешних границах. Это включало систематические проверки (в том числе и граждан ЕС) на всех внешних границах, которым теперь обязаны следовать государства-члены. Эти проверки проводятся, в частности, в отношении Шенгенской информационной системы и базы данных Интерпола (Gonçalves, 2019).

Второй компонент контртеррористической стратегии ЕС — «защита» — в определенной степени пересекается с первым компонентом, поскольку он включает в себя обеспечение безопасности внешних границ, а также повышение безопасности транспорта и защиту стратегических целей. Конечная цель состоит в том, чтобы уменьшить «уязвимость критической инфраструктуры» путем решения проблемы трансграничной преступности посредством заполнения пробелов в области безопасности. В частности, была принята директива, регулирующая использование предоставленной пассажирами личной информации, которая собирается и хранится авиаперевозчиками (также известная как «запись имени пассажира/PNR») (Gonçalves, 2019). Передача и обработка этой информации государственными органами и учреждениями ЕС, такими как Европол, должна регулироваться настоящей директивой; с этого момента государства-члены должны в течение одного года соблюдать положения директивы. Однако интересно поставить под сомнение эффективность такой директивы и задать вопрос о том, как одновременно можно добиться углубления мер безопасности и регулирования их применения. Например, директива требует (среди прочего), чтобы данные были «обезличены через 6 месяцев, чтобы субъект данных больше не был немедленно идентифицирован». Это представляется довольно странным и противоречивым решением (Gonçalves, 2019).

Третий компонент — «преследование» — направлен на то, чтобы террористам было труднее планировать и организовывать свои преступления, главным образом путем подрыва их финансирования, а также их коммуникационных сетей. На веб-сайте Совета ЕС говорится, что платформы обмена виртуальных валют должны будут подать заявку на «прекращение анонимности, связанной с такими обменами». Однако это может оказаться нереалистичным (Gonçalves, 2019).

Четвертый и последний компонент, «реагирование», относится к минимизации последствий террористических нападений путем улучшения возможностей для борьбы с последствиями, координации ответных мер и потребностей жертв. Это включает в себя разработку инструментов оценки рисков и обмен передовой практикой по оказанию помощи жертвам терроризма. Кроме того, утверждается необходимость разработки всех механизмов координации кризисных ситуаций в ЕС.

Контртеррористическая стратегия ЕС также включает категорию, озаглавленную «другие приоритеты». Они включают, например, взаимодействие с международными партнерами. ЕС, как представляется, осознает реальность взаимосвя-

зи между безопасностью ЕС и безопасностью соседних государств и других стран во всем мире. Таким образом, политические диалоги на высоком уровне, принятие положений о сотрудничестве и соглашениях или конкретная помощь, проекты по наращиванию потенциала со стратегическими странами входят в число вопросов, включенных в повестку дня ЕС по борьбе с терроризмом в феврале 2015 г. (Gonçalves, 2019). Если вспомнить о том, что хаос на Ближнем Востоке является одним из факторов, способствующих созданию атмосферы, благоприятствующей терроризму, то сотрудничество ЕС, в частности со странами Ближнего Востока, можно рассматривать как благоприятное развитие событий в этом контексте.

Например, в 2017 г. ЕС открыл переговоры по соглашениям о передаче персональных данных между Европолом и Алжиром, Египтом, Израилем, Иорданией, Ливаном, Марокко, Тунисом и Турцией в надежде на укрепление международных позиций Европола (Gonçalves, 2019). Нам кажется, что здесь теряется определенный потенциал. Вместо того чтобы сосредоточиваться исключительно на попытках достижения международного консенсуса и поощрения международных стандартов борьбы с терроризмом, что, по общему признанию, имеет жизненно важное значение для любой эффективной контртеррористической стратегии, ЕС должен расширить сферу своей деятельности и включить в нее другие аспекты борьбы с терроризмом.

Борьба с терроризмом, по крайней мере, когда речь заходит о международном сотрудничестве, не должна ограничиваться группами экспертов или так называемыми дипломатическими переговорами на высоком уровне. Подход снизу вверх может быть весьма полезным. Инвестиции в образование молодых людей в странах третьего мира, включая Ближний Восток, организация конференций по терроризму в современном мире (что позволяет услышать умеренных) и облегчение учебы в Европе для студентов из бедных стран, вместо того чтобы ограничивать возможности для тех, кто может себе это позволить, — это всего лишь несколько идей по улучшению отношений между ЕС и Ближним Востоком. Такие меры позволили бы также бороться с недостатком знаний о ЕС (и ЕС об арабских странах) и, что самое важное, сосредоточить внимание на бюрократических мерах по преодолению пробелов, которые полностью игнорируются.

Борьба с радикализацией в интернете является еще одним из приоритетов ЕС в области борьбы с терроризмом, который включает сотрудничество с интернет-провайдерами и владельцами платформ для уничтожения контента, связанного с терроризмом. ЕС поддерживает текущие инициативы с Facebook (content Referr) и другими компаниями социальных сетей. Мало того, что трудно обнаружить связанную с терроризмом деятельность, которую, как признает Совет ЕС, еще труднее идентифицировать, чем детскую порнографию, поскольку первая связана с контекстом, но стратегия ЕС также упускает еще один важный момент здесь (Gonçalves, 2019). Если мы признаем, что есть люди, которые придерживаются экстремистских взглядов, и что некоторые будут действовать на основе этих искаженных убеждений насильственным образом, то все, что мы делаем, — это покрываем поверхность. Террористы всегда будут иметь возможность найти террористические материалы

и/или поделиться своими взглядами. Несмотря на то, что с марта 2015 г. в ЕС было создано собственное специализированное подразделение — группа по передаче информации в интернете, которая направлена на снижение уровня и последствий террористической и насильственной экстремистской пропаганды в интернете, интернет слишком обширен, чтобы его можно было контролировать (Greene, 2017). Даже новый блок не может дотянуться до каждой платформы, которая может быть создана за считанные минуты, чтобы снять определенный материал, — по крайней мере, не в значительной степени. Это особенно верно по двум причинам: во-первых, социальные медиаплатформы работают на основе своих собственных условий и положений; и во-вторых, решение реферального подразделения не обязательно является обязательным для поставщика.

Еще одним приоритетом контртеррористической стратегии ЕС, который, безусловно, совпадает с вышеупомянутыми основными направлениями, но не обязательно ограничивается ими, является обмен информацией. На протяжении многих лет разведка прилагала много усилий для сотрудничества на единой платформе с Европолом, ЕКТК и другими учреждениями, добившимися заметного, но, безусловно, не блестящего успеха. Поэтому ЕС расширяет свои усилия по поощрению государств-членов к координации и сотрудничеству в этой области, результатом чего являются такие проекты, как проект Prüm: носторонний договор, подписанный в Prüm, Германия. Согласно совместному решению, государства-члены обязаны принять и осуществлять согласованные правила, касающиеся сотрудничества полиции, обмена данными и взаимного доступа к файлам анализа ДНК, а также идентификации отпечатков пальцев и регистрационных данных транспортных средств. Договор был подписан более 13 лет назад, но стал обязательным только в 2015 г.

В дополнение к Шенгенской информационной системе, упомянутой ранее, которая включает в себя центральную автоматизированную систему идентификации отпечатков пальцев, начиная с этого года ЕС инвестирует средства в использование биометрических баз данных (т.е. отпечатков пальцев и распознавания лиц) для более эффективного противодействия угрозам со стороны иностранных боевиков (Greene, 2017).

Европейская контртеррористическая стратегия была обновлена в конце 2016 г. Помимо нового рабочего названия, «Глобальная стратегия ЕС», терроризм и борьба с терроризмом были поставлены еще выше в повестке дня ЕС. В заявлении о миссии стратегии терроризм больше не рассматривается как главная угроза, а скорее как основная опасность, с которой сталкивается ЕС.

Терроризм, согласно новому обновленному варианту общей «стратегии Европейского Союза по борьбе с терроризмом», занимает более приоритетное место и рассматривается как главная проблема европейской безопасности. В отличие от Европейской Стратегии безопасности 2003 г., в которой Европа была описана как никогда «не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной», новый документ, озаглавленный «видение, общие действия: более сильная Европа», не столь оптимистичен: «Мы живем во времена экзистенциального кризиса, внутри

и за пределами Европейского союза». Террористические нападения, имевшие место в течение последних 15 лет (т.е. с тех пор, как ЕС опубликовал свою последнюю политику в области безопасности), а также последовавшие за ними волны нападений явно повлияли на изложение обновленного документа о будущих целях ЕС в области безопасности (Greene, 2017).

В специальном разделе, посвященном борьбе с терроризмом, ЕС отмечает, что он планирует ввести «более жесткие меры безопасности, которые касаются обмена разведывательными данными и кибербезопасности, а также превентивных усилий ... таких как образование, коммуникация, культура, и молодежь». Он вновь заявляет о своих намерениях сотрудничать с «гражданским обществом, социальными субъектами, частным сектором и жертвами терроризма, а также проводить межрелигиозный и межкультурный диалог». По существу, с точки зрения мягкой силы ЕС просто подчеркивает, что он будет продолжать работать по четырем ранее представленным направлениям и что основное обновление касается аспекта жесткой силы в борьбе с терроризмом. EUGS призывает к «более тесным институциональным связям между внешними действиями ЕС и внутренней областью свободы, безопасности и справедливости» (Greene, 2017). Даже несмотря на то, что внимание ЕС вновь (если не больше) сосредоточено на аспекте безопасности терроризма (т.е. борьбе с терроризмом), а не на мириадах других комплексных аспектов, которые ведут к нему (т.е. предупреждению терроризма), мы можем сделать вывод, что ЕС еще не до конца понимает природу терроризма.

Его политическая динамика по-прежнему обусловлена кризисными ситуациями, и ЕС, похоже, не хочет существенно отклоняться в реальном выражении от любой из своих предыдущих стратегий. На наш взгляд, подход ЕС к борьбе с терроризмом (политика, а не риторика) останется прежним: сосредоточение внимания на сотрудничестве в области безопасности при одновременном выдвигании инициатив, создающих впечатление, что другие области, такие как гражданское сотрудничество и межкультурный диалог, не полностью исключены. Это останется главным направлением антитеррористической политики ЕС: с каждым терактом (будь то групповым или одиночным) будут усиливаться призывы к расширению сотрудничества в области безопасности в контексте интеграции ЕС и обеспечения общественной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Расторгуев С.П., Литвиненко М.В. Информационные операции в сети Интернет. М.: АНО ЦСОиП, 2014.

ACPI. *Mini track on the malicious use of artificial intelligence: New challenges for democratic institutions and political stability*. ECIAIR 2019. European Conference on the Impact of AI and Robotics, 31 October — 1 November 2019 at EM-Normandie Business School, Oxford, UK [online]. URL: <https://www.academic-conferences.org/conferences/eciair/eciair-call-for-papers/eciair-mini-tracks/>.

- Goodman M. *Future crimes: inside the digital underground and the battle for our connected world*. New York: Anchor Books, 2015.
- Gonçalves C.P. *Cyberspace and Artificial Intelligence: The New Face of Cyber-Enhanced Hybrid Threats*, 2019. URL: <https://www.intechopen.com/online-first/cyberspace-and-artificial-intelligence-the-new-face-of-cyber-enhanced-hybrid-threats>.
- Greene A. Terrorism: definition one size fits? *International and comparative law quarterly*, 2017, 66 (2), 411–440. doi: 10.1017 / S0020589317000070.
- Horowitz M.C. et al. *Artificial intelligence and international security*. Washington: Center for a New American Security (CNAS), 2018.
- Howell A. *Madness in international relations: psychology, security, and the global governance of mental health*. London: Routledge, 2011.
- ‘I Never Said That!’ The High-Tech Deception of ‘Deepfake’ Videos. *The Times of Israel* [online], 2 July 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/i-never-said-that-the-high-tech-deception-of-deepfake-videos/>.
- Rao A.S., Verweij G. *Sizing the prize. What’s the real value of AI for your business and how can You capitalize?* New York: PWC, 2018.
- U. S. Army Command and General Staff College. *Irregular pen and limited sword: psywar, psyop, and MISO in counterinsurgency*. Colorado Springs, CO: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014.
- U. S. Government Accountability Office (GAO). *Report to Congressional Committees National Security. Long-Range Emerging Threats Facing the United States as Identified by Federal Agencies*. GAO-19-204SP. Washington, DC: GAO, 2018.
- Waddel K. The impending war over deepfakes. *Axios*, 2018, the 22nd of July. URL: <https://www.axios.com/the-impending-war-over-deepfakes-b3427757-2ed7-4fbc-9edb-45e461eb87ba.html>
- World Economic Forum. *The future of job employment, skills and workforce strategy for the fourth industrial revolution*. Executive summary. Geneva: World Economic Forum, 2016.

REFERENCES

- Rastorguev, S.P., Litvinenko, M.V. (2014). *Informacionnye operacii v seti Internet* [Information operations on the Internet]. Moscow: The Centre of Strategic Assessment and Forecasts.
- ACPI (2019). *Mini track on the malicious use of artificial intelligence: New challenges for democratic institutions and political stability*. ECIAIR 2019. European Conference on the Impact of AI and Robotics, 31 October — 1 November 2019 at EM-Normandie Business School, Oxford, UK [online]. Available at: <https://www.academic-conferences.org/conferences/eciair/eciair-call-for-papers/eciair-mini-tracks/>.
- Goodman, M. (2015). *Future crimes: inside the digital underground and the battle for our connected world*. New York: Anchor Books.

Gonçalves, C.P. (2019). *Cyberspace and Artificial Intelligence: The New Face of Cyber-Enhanced Hybrid Threats*. Available at: <https://www.intechopen.com/online-first/cyberspace-and-artificial-intelligence-the-new-face-of-cyber-enhanced-hybrid-threats>.

Greene, A. (2017). Terrorism: definition one size fits? *International and comparative law quarterly*, 66 (2), 411–440. doi: 10.1017 / S0020589317000070

Horowitz, M.C., et al. (2018). *Artificial intelligence and international security*. Washington: Center for a New American Security (CNAS).

Howell, A. (2011). *Madness in international relations: psychology, security, and the global governance of mental health*. London: Routledge.

‘I Never Said That!’ The High-Tech Deception of ‘Deepfake’ Videos. *The Times of Israel* [online], 2 July 2018. Available at: <https://www.timesofisrael.com/i-never-said-that-the-high-tech-deception-of-deepfake-videos/>.

Rao, A. S., Verweij, G. (2018). *Sizing the prize. What’s the real value of AI for your business and how can You capitalize?* New York: PWC.

U. S. Army Command and General Staff College (2014). *Irregular pen and limited sword: psywar, psyop, and MISO in counterinsurgency*. Colorado Springs, CO: CreateSpace Independent Publishing Platform.

U. S. Government Accountability Office (2018). *Report to Congressional Committees National Security. Long-Range Emerging Threats Facing the United States as Identified by Federal Agencies*. GAO-19-204SP. Washington, DC: GAO.

Waddel, K. (2018). The impending war over deepfakes. *Axios*, the 22nd of July. Available at: <https://www.axios.com/the-impending-war-over-deepfakes-b3427757-2ed7-4fbc-9edb-45e461eb87ba.html>

World Economic Forum (2016). *The future of job employment, skills and workforce strategy for the fourth industrial revolution*. Executive summary. Geneva: World Economic Forum.